

— Кто ты? — снова спросил Е Цзиньюнь.

С самой первой секунды, как он увидел Шэнь Гуханя, внутреннее чутьё забило тревогу. Этот незнакомец казался опаснее даже того демонического культиватора, что лишил его духовного корня. И всё же Е Цзиньюнь по привычке потянулся к поясу... но пальцы лишь рассекли воздух. Рука замерла.

Он и забыл, что меч у него давным-давно отобрали.

Голос юноши звучал чисто и звонко, но если прислушаться, в нём угадывалась хрипотца — будто капли воды, разбиваясь о твёрдый камень, рассыпаются мелкой брызгой. Для Шэнь Гуханя этот звук отозвался тихим, ласкающим касанием, мгновенно успокаивая душу.

— Шэнь...

— Беда, молодой господин!

Не успел Шэнь Гухань произнести своё имя, как издали, хромая и задыхаясь, прибежал старый слуга. На его лице застыл смертельный испуг.

— Дядя Чэнь, что стряслось? — Е Цзиньюнь не мог позволить себе роскошь поддаваться слабости. Забыв и о собственном истощении, и о смертельной опасности, исходившей от незнакомца, он шагнул вперёд, чтобы поддержать старика. Но израненное тело подвело: свежие раны натянулись и лопнули, резкая боль пронзила грудь, и юноша едва не рухнул прямо на слугу.

Заметив, как старик беспомощно тянет руки, Шэнь Гухань сделал шаг и легко подхватил падающего юношу.

Стан юноши был гибким и прямым; даже сквозь верхнее платье ощущались сухие, крепкие мышцы — поджарый, тонкий, точно молодой бамбук, но до того истощённый, что, казалось, сжать чуть сильнее — и преломится. От резкой боли Е Цзиньюнь судорожно втянул воздух, и этот сухой, прерывистый вздох прозвучал неожиданно чувственно. Взгляд Шэнь Гуханя потемнел. «Если привлечь его к парному совершенствованию...»

— Благодарю вас, молодой господин, за помощь, — пролепетал дядя Чэнь, пытаясь перенять из рук незнакомца тяжело дышащего хозяина.

Шэнь Гухань чуть опустил веки и полуоборотом уклонился от рук старика.

— Веди, — коротко бросил он.

Дядя Чэнь окинул его беглым взглядом: тёмные одежды из драгоценной ткани, по рукавам — шитьё нитью Небесного Шелкопряда, а уж надменная, величественная осанка и вовсе не оставляла сомнений — перед ним человек высокого положения.

Ныне род Е пал, от бывшего величия остались лишь они с молодым господином. Если удастся снискать расположение столь могущественного покровителя, это поможет отбавить стаю гиен, сбежавшихся на запах крови. Старик взглянул на лишившегося чувств хозяина, бессильно склонил голову в знаке глубокого почтения и, не смея задавать лишних вопросов, похромал вперёд.

— Стоять!

Дорогу им преградил щегольски одетый молодой барчук в окружении своры слуг. Окинув высокомерным взглядом Е Цзиньюня, покоящегося на руках незнакомца, он презрительно усмехнулся и с нескрываемой спесью бросил:

— Оставьте брачный договор и проваливайтесь!

«Брачный договор?» — Шэнь Гухань опустил взор на полубессознательного юношу. Брови того слегка сдвинулись от боли, а бескровная бледность лица лишь ярче оттеняла алый подтёк у губ. В этой благородной утончённости, смешанной с уязвимостью, скрывалось странное, завораживающее очарование.

«Надо же, а он пользуется спросом».

— Второй молодой господин Ли, помолвка была заключена старейшинами обоих родов! Что значат эти слова? — Дядя Чэнь насупился. Этот Ли Эр давно славился наглостью и дурным нравом; связываться с таким — верная беда.

— Ха-ха-ха! — громко расхохотался тот.

Вообще-то Ли Эр рассчитывал, что его слуги уже забили Е Цзиньюня до смерти, и собирался лишь ободрать с трупа бывшего гения кожу, чтобы сделать себе изысканный веер. Кто же знал, что этот живучий гад ещё дышит? Что ж, тем лучше: можно под предлогом спора затянуть время и дать ему изойти кровью.

Окинув старика ледяным взглядом, Ли Эр глумливо ухмыльнулся:

— Ты правда думаешь, будто Е Цзиньюнь всё тот же? Ныне он лишь никчёмный калека! Он моей сестре и в подмётки не годится, обувь ей чистить — и то честь для него!

— Если у господина Ли есть возражения, пусть ваши старшие обратятся к нам напрямую. К чему этот разбой? — Дядя Чэнь выпрямился, хотя костяшки его пальцев, сжимавших костыль,

побелели от напряжения.

Прожив почти век, старик насквозь видел подлую жилку рода Ли. Те не смели действовать открыто, дабы не запятнать чести семьи, а потому натравливали здешних барчуков. Случись что с молодым господином от рук Ли Эра, все лишь спишут на «детскую забаву», и никто в округе Цанлю не посмеет пикнуть против могущественного клана Ли. Но духовный корень Е Цзиньюня едва разбит, юноша угасает на глазах — да разве выдержит он глумление этого изверга?

— Ты серьёзно полагаешь, будто этот мусор переступит порог дома Ли?

Ли Эр сделал шаг вперёд, намереваясь похлопать Е Цзиньюня по щеке и тем самым окончательно смешать его с грязью.

Дядя Чэнь попытался заслонить хозяина, но Ли Эр небрежно взмахнул рукой, и старик с глухим стуком повалился на землю.

— Хех, старый пёс, возомнил, будто можешь встать у меня на пути? Жизнь надоела?

Отряхнув ладонь, Ли Эр с презрением мазнул взглядом по упавшему слуге и перевёл взор на Шэнь Гуханя, всё так же неподвижно державшего юношу.

Шэнь Гухань стоял с бесстрастным лицом, от него веяло таким лютым холодом, что любой разумный человек обошёл бы его за сотню ли. Но Ли Эр, привыкший к безнаказанности, давно потерял всякую меру. Увидав незнакомца подле Е Цзиньюня, он решил, будто перед ним лишь незначительная шестёрка, и снисходительно бросил, скривив губы:

— Даю тебе шанс: брось калеку и проваливай, тогда оставлю в живых.

С этими словами он протянул руку к Е Цзиньюню.

— А-а-а-а!

Лицо Ли Эра исказилось от дикой муки. Его запястье, сжатое невидимыми тисками, с хрустом заворачивалось под неестественным углом. Из разорванных жил на каменные плиты хлынула алая кровь. Ничего, кроме исступлённого вопля, барчук вытолкнуть из горла не мог.

Прислуга, хоть и состояла из мелкопоместных культиваторов с ничтожным развитием, сообразила, чьих рук это дело. Обнажив оружие, слуги обступили незнакомца со всех сторон и заголосили, требуя отпустить их господина.

Шэнь Гухань лишь скользнул по ним ледяным взглядом.

В то же мгновение вся свора, будто подкошенная, с глухим стуком повалилась на землю — то ли без чувств, то ли мёртвая.

Дядя Чэнь онемел от изумления. Каким бы бездельником ни был Ли Эр, он всё же успел ступить на стадию Возведения Основания! Справиться с ним шутя, даже не пошевелив пальцем...

Сам дядя Чэнь, имея за плечами тот же уровень Возведения Основания, совершенно не мог распознать глубину духовной силы этого человека. Значит, тот стоял как минимум на стадии Золотого Ядра... а то и Зарождающейся Души!

Старик затаил дыхание. Прежний глава рода Е владел силой Зарождающейся Души, благодаря чему и воздвиг процветающий клан в округе Цанлю. Если же этот незнакомец равен ему по мощи...

Е Цзиньюнь тихо застонал во сне, его брови больно сдвинулись. Шэнь Гухань бросил суровый взгляд на застывшего слугу и проговорил с явным нетерпением:

— Веди.

Дядя Чэнь опомнился, торопливо поднялся с земли, мазнул взглядом по корчащемуся в пыли Ли Эр, а затем с тоской посмотрел на закрытые ворота поместья Е. Тяжело вздохнув, старик низко поклонился:

— Благодарю вас за спасение, господин. Старик век не забудет вашей доброты.

Шэнь Гухань ничего не ответил.

Впрочем, слуга и не ждал от него речей: настоящим мастерам дано право на любые странности. Согнувшись в почтённом поклоне, он поспешил указывать путь.

Наступила ночь. За окном в густой темноте трещали цикады, размеренно бьась крыльями о деревянные ставни.

В комнате у изголовья кровати теплился одинокий огарок свечи. Мягкий золотистый свет очерчивал изящный профиль лежащего юноши, а поверх него падала длинная, тёмная тень.

— М-м-м...

Е Цзиньюнь медленно приоткрыл глаза. Своя дымка слабости он разглядел силуэт человека, неподвижно стоящего у постели. Хотя днём он и находился в полузабытии, чувства не окончательно изменили ему: юноша помнил, кто его спаситель. И пусть причины чужой доброты оставались загадкой, сердце Е Цзиньюня наполнилось искренней признательностью.

— Благодарю за спасение, благодетель... — преодолевая мучительную слабость, Е Цзиньюнь попытался приподняться. — Век буду помнить. Если судьба благоволит, я, Е Цзиньюнь, воздам вам сторицей.

Видя, с каким трудом даётся ему каждое движение, Шэнь Гухань положил ладонь ему на плечо и склонился так низко, что их лица почти соприкоснулись.

— Не стоит, — проронил он.

От его дыхания едва заметный пушок на щеке юноши чуть всколыхнулся. Е Цзиньюнь невольно вздрогнул и отстранился — это невольное проявление беззащитности лишь разжигало в Шэнь Гухане тёмное желание прижать его крепче.

В прошлой жизни Е Цзиньюнь не знал женской ласки, да и к мужчинам не питал ни малейшего интереса. Попав в этот мир, он обзавёлся невестой, с которой виделся от силы пару раз в раннем детстве, так что о подобных тонкостях не имел ни малейшего представления. Поведение спасителя вызвало лишь лёгкую неловкость, и юноша поджался к подушке, с предельной серьёзностью произнес:

— Заветы рода Е гласят: платить за добро немедленно. Пусть благодетелю не нужна награда, я обязан исполнить долг чести.

— Вот как? — Шэнь Гухань выпрямился. В уголке его губ скользнула едва уловимая усмешка. — И как же ты намереваешься исполнить этот долг?

Е Цзиньюнь опешил. Едва разгладившиеся брови снова сошлись к переносью. Поразмыслив мгновение, он твёрдо вымолвил:

— Чего бы вы ни пожелали — я приложу все силы.

— Неужели? — Улыбка Шэнь Гуханя стала шире. Суровый, подобно ледяному пику, облик незнакомца вдруг преобразился: точно алый рассвет рассеял ночной туман, озаряя всё вокруг ослепительным светом.

Е Цзиньюнь замер. На миг в его голове промелькнула невольная мысль: до чего же хорош... Увы, жаль, что мужчина.

— Точно? — переспросил Шэнь Гухань.

Е Цзиньюнь кивнул. Спасение жизни — долг неоплатный.

— Точно, — повторил он без тени сомнений.

— Превосходно, — Шэнь Гухань протянул руку и двумя пальцами подхватил его за подбородок. Чуть заставив юношу приподнять лицо, он прошептал с лёгкой ухмылкой: — В таком случае... стань моей «печью» для парного совершенствования. Идет?

<http://bllate.org/book/20642/2105859>